

Торжество совести

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

А. С. Пушкин. Портрет работы О. Кипренского. 1827 г.

100 лет назад Министерством народного просвещения был издан циркуляр, согласно которому все священники-преподаватели Закона Божия к столетию со дня рождения Пушкина должны были отслужить панихиду по великому русскому поэту. Но в среде священноначалия это распоряжение вызвало неоднозначную реакцию. Одни архиереи наотрез отказались благословить совершение этих панихид, другие же, напротив, явились горячими сторонниками того, чтобы панихиды по Пушкину были непременно отслужены.

К числу последних принадлежал и епископ Антоний (Храповицкий), бывший в то время ректором Казанской Духовной Академии.

Мы публикуем в сокращении его слово, сказанное в Казанском университете перед панихидой по Пушкину 26 мая 1899 года.

Сегодня в разных концах нашего Отечества представители русской литературы и русского гражданства говорят о нашем великом народном поэте — Пушкине. Что скажет о нем служитель Церкви для духовного назидания? Ответ на такой вопрос нетрудно почерпнуть из общественного настроения сегодняшнего дня. Имя Пушкина привлекает русских людей самых разнообразных положений и возрастов: и старцы и юноши, и мужчины и женщины, и военные и гражданские чины — считают для себя дорогим и близким имя поэта. Где искать тому объяснение? Если бы мы были немцами или англичанами, то вполне правильное объяснение заключалось бы, конечно, в ссылке на народную гордость, на мысль о Пушкине как о виновнике народной славы. Но мы — русские, и свободны от такого ослепления собою. Если мы кого горячо любим все вместе, всем народом, то для объяснения этого нужно искать причин внутренних, нравственных. Спросим же свое русское сердце, что оно чувствует при чтении бессмертных творений нашего поэта? Думаю, что с нами согласятся все, если скажем, что стих Пушкина заставляет сердце наше расширяться, сладостно трепетать и воспроизводить в нашей памяти и в нашем чувстве все доброе, все возвышенное, когда-либо пережитое нами. Бывает так, что в минуты душевного утомления и апатии какой-нибудь отрывок из Пушкина вдруг поднимает в нашей душе самые сложные, самые возвышенные волнения. <...>

Читая драматические и лирические творения Пушкина, сколь часто каждый из нас узнает в них свои собственные душевные настроения, свои колебания, свои чаяния. Исключительное свойство художественного таланта Пушкина, столь глубоко захватывающего всю внутреннюю жизнь своего читателя, заключается именно в том, что он описывает различные состояния души человеческой не как внешний наблюдатель, метко схватывающий оригинальные и характерные проявления жизни и духа человеческого: нет — Пушкин описывает своих героев как бы изнутри, раскрывает их внутреннюю жизнь. <...>

У Пушкина мы видим живого цельного человека, хотя и подвергнутого какой-нибудь страсти, а иногда и подавленного ею, но все-таки в ней не исчерпывающегося, желающего с ней бороться, и, во всяком случае, испытывающего тяжкие мучения совести. Вот почему все его герои, как бы они не были порочны, возбуждают в читателе не презрение, а сострадание. Таковы его — скупой рыцарь, Борис Годунов, Анжело. Таков же и его Евгений Онегин, самолюбивый и праздный человек, но все же преследуемый своею совестью, постоянно напоминающей ему об убитом друге. Так самое описание страстей человеческих

в поэзии Пушкина есть торжество совести. Понятно теперь, почему нам жалко всех его героев, почему нам кажется, что хотя они и впали в тяжкие преступления, но они могли бы быть лучшими, и что мы сами чрезвычайно похожи на того или другого из них.

И долго буду тем народу я любезен,
 Что чувства добрые в нем лирой возбуждал,
 Что прелестью живой стихов я был полезен
 И милость к падшим призывал.

Как человек Пушкин был, конечно, таким же бедным грешником, как и большинство людей его круга, но все же он был грешник борющийся, постоянно кающийся в своих падениях. Лучшие его лирические стихотворения — это те, в которых он оплакивает такие падения, и те, которыми он выражал свое разочарование в ложных устоях тогдашней общественной жизни, его воспитавшей и затмевавшей в нем правила христианства еще в детские годы. Прочтите его стихотворения в дни годовщин Лицея, его признания в постоянной мысли о смерти («Брожу ли я вдоль улиц шумных»), его стихи к Филарету, или «Подражание Джону Буньяну», — и вы поймете, что только ложное воспитание, ложная жизнь ввела в служение страстям эту чистую душу, предназначенную не для них, не для условных целей жизни, но для чистой добродетели.

Все русское общество отобразилось в личности Пушкина. Пушкин понял, в чем ложь и в чем истина для него и для России. Понял, но далеко не всегда и не во всем следовал своим убеждениям: напротив, весьма часто вновь возвращался к служению страстям и предрассудкам и закончил свою жизнь ужасным преступлением поединка, который сам называл нелепым заблуждением слепого и греховного самолюбия. Подвергнувшись этому заблуждению, он совершенно освободился от него перед кончиной, умирал добрым христианином, в искреннем покаянии, и, надеемся, был принят в Небесное Царство, куда первым вошел раскаявшийся разбойник. <...>

Наш Пушкин, падавший, боровшийся и кающийся, до сих пор остается микрокосмом русского общества, так же,

как он, воспитанного в поклонении двум демонам (гордыни и разврата) вне Церкви, и так же, как он, постоянно слышащего в укор своих страстей и своей праздности немолчающий призыв, исходящий от своей совести, от окружающих нас остатков христианской культуры, и наконец, от нашей прекрасной пушкинской и послепушкинской литературы. К этой лучшей жизни, которой цель есть добродетель и нравственная свобода, призывает теперешнюю грешную Русь та Святая Русь, которую начал открывать великий поэт...

Архимандрит Антоний (Храповицкий)

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
 Вхожу ль во многолюдный храм,
 Сажу ль меж юношей безумных,
 Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
 И сколько здесь ни видно нас,
 Мы все сойдем под вечны своды —
 И чей-нибудь уж близко час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
 Я мыслю: патриарх лесов
 Переживет мой век забвенный,
 Как пережил он век отцов.

Мледнца ль милого ласкаю,
 Уже я думаю: прости!
 Тебе я место уступаю:
 Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту,
 Привык я думой провождать,
 Грядущей смерти годовщину
 Меж их стараясь угодать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
 В бою ли, в странствии, в волнах?
 Или соседняя долина
 Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
 Равно повсюду истлевать,
 Но ближе к милому приделу
 Мне все ж хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
 Младая будет жизнь играть,
 И равнодушная природа
 Красою вечною сиять.

1829 год